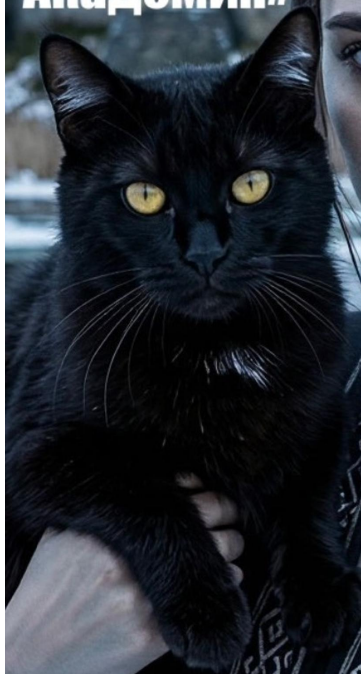

**«Говорящая
с
теньями.
Навья
Академия»**

18+

Владимир Тёмный

Владимир Тёмный

Говорящая с тенями Навья

<https://litres.ru/73993723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Смерть пахнет сухой полынью и парным молоком.

Ядвига прятала внучку шестнадцать лет в глухой деревне у болот. Но когда за Дару приходят из Навьей Академии, старуху убивают, а девушку увозят в мрачный замок, где учат повелевать мёртвыми.

Здесь Дару узнаёт правду. Она говорящая — та, кто способна слышать сны Нави, древних существ, запертых под Академией шесть веков назад. Они хотят вырваться. Они предлагают силу, месть и возвращение бабки. И только от Дару зависит, проснутся ли они.

Но есть и те, кто мечтает разбудить сны. Могущественный маг Златогора предлагает сделку. Его дочь видит в Дару соперницу. А куратор Ратмир — тот самый, кто убил Ядвигу, — клянётся защищать её ценой собственной жизни.

Дару предстоит пройти испытание, встретиться с собственной тенью и сделать выбор. Цепь дала трещину. Запечатать её может только говорящая.

Но у всего есть цена. И за каждую сделку с тьмой придётся платить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Разговор с тенью	8
Глава 2. Урок тьмы	14
Глава 3. Столовая для хищников	20
Глава 4. Ночной гость	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Тёмный

Говорящая с тенями Навья

Пролог

Смерть пахнет сухой полынью и парным молоком.

Дару знала это с тех пор, как себя помнила. Бабка Ядвига, поднимавшая ее на краю болот, всегда говорила: «Слушай запахи. Навь не показывается глазам, она вползает в ноздри».

Этим промозглым октябрьским утром в избе пахло именно так. Горько и сладко одновременно.

Дару стояла у порога, сжимая в руке корзинку с клюквой. Дверь была распахнута настежь, хотя Ядвига никогда не оставляла ее открытой — «береженого и Велес бережет, а дурака навьи за пятки хватают».

— Баб Ядвига? — тихо позвала она, переступая порог.

В печи еще потрескивал огонь. На столе стояла крынка с недопитым молоком, над которой вилась тонкая струйка пара. И больше ничего. Только запах. Удушающий, плотный запах конца.

Дару уронила корзину. Клюква рассыпалась по половикам, словно капли крови.

— Уже не откликнется.

Голос раздался из темного угла, куда не доставал свет от печи. Он был низким, вязким, как болотная вода в декабре.

Из тени выступил мужчина. Высокий, плечистый, одетый в долгополый кафтан цвета воронова крыла. На плече тускло поблескивала серебряная пряжка в форме волчьего оскала. Лицо его было странным — словно высеченным из серого камня, с неподвижными, слишком правильными чертами. И глаза. Черные, без белков, без зрачков, будто две дыры в пустоте.

Дару не закричала. Она вообще редко кричала. Вместо этого она медленно, не сводя с незнакомца взгляда, опустила руку в карман фартука, где лежал маленький нож для чистки рыбы.

— Где она? — спросила Дару севшим голосом.

Мужчина сделал шаг вперед. Половицы под ним даже не скрипнули.

— Там, где ей и положено быть, — ответил он равнодушно. — В Нави. Я проводил.

Мир перед глазами Дару на мгновение покачнулся. Ядвига. Ее единственный родной человек. Ее защита, ее якорь в этом мире.

— Ты убил ее, — произнесла она не вопрос — утверждение.

— Я освободил ее, — мужчина склонил голову набок, разглядывая Дару с тем же интересом, с каким кот разглядыва-

ет мышь. — От бремени тебя.

Он сделал еще один шаг. Теперь Дару видела его тень на полу — и эта тень вела себя неправильно. Она шевелилась, пульсировала, отделялась от его ног.

И в этой тени она увидела Ядвигу.

Душа старухи тянулась тонкой серебристой нитью, сотканной из дыма и воспоминаний. Она не уходила в землю, как полагалось мертвым, не растворялась в свете. Вместо этого она, словно ручей, впадающий в черное озеро, медленно втягивалась в тень незнакомца.

Дару чувствовала ее. Чувствовала ее страх, ее боль, ее прощальную нежность — последнее, о чем подумала Ядвига перед тем, как ее сердце остановилось. «Дарушка, прости меня...»

Нож выпал из ослабевших пальцев.

— Это невозможно, — выдохнула она. — Я не... я не должна...

— А вот это, — мужчина впервые проявил что-то похожее на эмоцию. Его черные глаза на миг вспыхнули золотом. — Уже интересно.

Он рванулся вперед быстрее, чем девушка успела моргнуть. Длинные ледяные пальцы сомкнулись на ее подбородке, заставляя задрать голову вверх. Дару зажмурилась, но перед ее внутренним взором все равно встала картинка — мужчина и его рваная, клубящаяся тень, в которой беззвучно кричали десятки, сотни душ.

— Значит, слухи не вдали, — прошептал он, вглядываясь в ее лицо. — Последняя свеча во тьме. Говорящая с тенями.

Он отстранился и резко, не оборачиваясь, бросил что-то в пустоту. В воздухе прямо перед лицом Дару замерцал, сгущаясь из ничего, клочок плотной бумаги. На нем горели золотые буквы:

«Навья Академия. Зачисление. Основание: параграф 7, пункт 13 — Пробужденный дар некромантии и связи с Навью. Явка немедленная»

— Собирайся, — приказал незнакомец. — У тебя нет выбора.

Дару посмотрела на рассыпанную клюкву, на остывающее молоко, на то место, где только что стояла тень, поглотившая душу ее бабки.

— А если я откажусь? — спросила она тихо.

Мужчина обернулся. Его губы растянулись в подобии улыбки, от которой кровь стыла в жилах.

— Тогда я сделаю так, что ты будешь умолять меня вернуться и забрать тебя силой.

Глава 1. Разговор с тенью

Начало — первые два абзаца — переход от твоего решения к тексту.

Дару не ответила. Слова застряли в горле, острые и бесполезные, как рыбы кости. Она молча развернулась к незнакомцу спиной и прошла вглубь избы, туда, где за печью стоял старый, окованный железными полосами сундук Ядвиги.

Собиралась она недолго. Бросила в холщовый мешок сменную рубаху, гребень, огниво и узелок с сушёной мятой — единственное, что помогало ей заснуть, когда тени начинали шептать слишком громко. Уже у самого порога, задержавшись на мгновение, она сдёрнула с шеи простой шнурок с маленьким амулетом — деревянным кругляшом, на котором неумелой детской рукой был вырезан знак Перуницы. Ядвига повесила ей этот амулет в тот день, когда Дару впервые увидела чужую душу в отражении колодца. «Оберег, — сказала она тогда. — Пока он на тебе, навьи не увидят твой свет. Ты для них — как свеча в ночи, Дарушка. Не свети без нужды». Теперь оберег казался насмешкой. Не уберёг.

Мужчина ждал снаружи. Когда Дару вышла на крыльцо, он уже стоял спиной к ней, глядя в сторону болот, откуда медленно наползал туман. Его тень всё ещё колыхалась у ног, но теперь не пульсировала так яростно. Казалось, она при-
смирела и чего-то ждала.

— Готова? — спросил он, не оборачиваясь.

— Куда мы идём? — вместо ответа спросила Дару.

— В Навью Академию, — произнёс он. — Но сначала — к воротам. Пешком. Здесь нет прямых путей.

Он зашагал в туман, не проверяя, идёт ли она следом. И Дару пошла. Не потому что поверила ему, не потому что испугалась угроз. А потому что где-то внутри, под слоем горя и злости, колыхнулось чувство, которое она не испытывала с раннего детства. Любопытство.

Они шли молча, углубляясь в болота по невидимой тропе. Туман становился гуще, звуки леса стихали, заменяясь влажной, ватной тишиной. В какой-то момент Дару заметила, что ноги её больше не чавкают по грязи — под подошвами была твёрдая, сухая земля, хотя вокруг по-прежнему клубилась белёсая взвесь. Пространство изменилось. Воздух стал плотным и холодным, пробирающим до самых костей.

— Стой, — скомандовал мужчина.

Они остановились перед огромным поваленным деревом — чёрным, без единого листа, изогнутым в форме арки. Под корнями зияла пустота.

— Врата, — сказал мужчина. — Они откроются, когда ты заговоришь с ними.

— С кем? — прошептала Дару, хотя уже знала ответ.

— С теми, кто ждал тебя с рождения. С тенями.

Он отступил на шаг, скрестив руки на груди, и замер, превратившись в статую. Дару осталась одна перед чёрной ар-

кой. Одна, если не считать теней.

«Не свети без нужды», — вспомнила она слова Ядвиги. Но сейчас, кажется, настала именно та нужда.

Она сдёрнула с шеи амулет, сжала его в кулаке до боли и сделала шаг вперёд. Под корнями было темно. Не та темнота, к которой привыкают глаза через несколько мгновений, а абсолютная, первозданная тьма, в которой не существовало ни верха, ни низа, ни времени.

— Я здесь, — сказала Дару в пустоту. Голос прозвучал глухо, словно со дна колодца.

И тьма ответила.

Сначала это был звук — низкий, вибрирующий гул, от которого завибрировали зубы и заныли кости. Потом из темноты проступили силуэты. Десятки, сотни силуэтов. Они были выше человеческого роста, текучие и рваные одновременно, словно дым, которому придали форму, но забыли удержать.

И среди них — один, самый плотный, самый близкий. Он пах сухой полыньёю и парным молоком.

— Баб Ядвига? — выдохнула Дару. Горло перехватило.

Тень не ответила словами. Вместо этого в сознание Дару хлынули образы. Обрывки воспоминаний, чувства, обрывки фраз.

Тёплые руки, пахнущие тестом. «Не ходи туда, Дарушка». Шёпот у колодца в ночь на Ивана Купалу. «Я знала, что придёт срок. Знала с того дня, как нашла тебя у порога».

Дару пошатнулась.

— Ты знала? — прошептала она. — Ты знала, что за мной придут, и молчала?

Новый образ: Ядвига склоняется над спящей Дару, в её глазах слёзы. Она что-то шепчет, сплетая пальцы в сложном жесте. Защитное заклинание, которое должно было скрывать дар девочки до шестнадцати лет. До вчерашнего дня.

«Прости меня...»

— За что? — голос Дару дрогнул. — За что прости?

Но тень Ядвиги уже отступала. Её заслоняли другие, более крупные, более древние. И эти тени не были добрыми. От них веяло холодом вечности и голодом, который не утолить никогда.

Одна из них вытянулась вперёд, склоняясь над Дару, и девичье сознание пронзила единственная мысль, ясная и острая, как лезвие:

«НАЙДИ НАС. ОСВОБОДИ НАС. СЛУЖИ НАМ».

А следом — обещание. Не словами, а ощущением. Картинка того, что будет, если она согласится. Сила, которая разливается по венам, как жидкий огонь. Возможность повелевать не тенями, а теми, кто их отбрасывает. Способность вернуть Ядвигу — не как призрачный дым, а во плоти.

И цена. Размытая, неясная, спрятанная за пеленой, но от этого не менее страшная.

— Что вы такое? — спросила Дару. — Вы боги?

Тени заколыхались, и ей почудился смех. Беззвучный, отдающийся дрожью в кончиках пальцев.

«МЫ — ТЕ, КТО БЫЛ ДО БОГОВ. МЫ — СНЫ НАВИ. МЫ — ГОЛОД, КОТОРЫЙ ЖДЁТ».

И потом, тише, вкрадчивее — голос, похожий на шелест сухих листьев:

«ПРИХОДИ В АКАДЕМИЮ, ГОВОРЯЩАЯ. МЫ БУДЕМ ЖДАТЬ ПОД КОРНЯМИ. МЫ ПОКАЖЕМ ТЕБЕ ТО, ЧЕГО НЕ ЗНАЮТ СМЕРТНЫЕ. МЫ СДЕЛАЕМ ТЕБЯ НАШЕЙ... ИЛИ СОЖРЁМ ТЕБЯ. ВЫБИРАЙ».

Видение схлопнулось. Дару вышвырнуло из темноты обратно в туман, к поваленному дереву. Она стояла на коленях, судорожно хватая ртом воздух, а по щекам текли слёзы — то ли от пережитого ужаса, то ли от прощания с бабкой.

Мужчина подошёл ближе. Теперь в его чёрных глазах читалось не холодное любопытство, а нечто иное — осторожное, почти благоговейное.

— Что они сказали тебе? — спросил он тихо.

Дару подняла на него взгляд, размазывая по лицу слёзы и грязь. Внутри неё закипала злость, вытесняя страх.

— Сказали, что я нужна им, — ответила она. — И что у меня есть выбор.

— Выбора нет, — отрезал он. — Есть только путь. И он лежит в Академию.

— Это мы ещё посмотрим, — прошептала Дару, поднимаясь на ноги.

Конец первой главы.

Глава 2. Урок тьмы

Навья Академия встретила Дару тишиной. Не кладбищенской, не благоговейной, а хищной, выжидающей — такой, какая бывает в лесу за мгновение до того, как волк бросится на добычу.

Замок (называть это место «школой» не поворачивался язык) возвышался над болотами чёрным клыком, вгрызающимся в низкое ноябрьское небо. Его стены, сложенные из камня, который не брал мох, были увиты голыми ветвями плюща, похожими на вены. Окон было мало, и светились они тусклым, нездоровым багрянцем. Дару шла вслед за Хранителем через внутренний двор, где на мёрзлой земле были вырезаны руны, и чувствовала спиной взгляды. Студенты — человек двадцать, не больше — стояли вдоль стен, провожая новенькую кто с любопытством, кто с брезгливостью, а кто и с откровенным страхом.

— Не отставай, — бросил Хранитель через плечо.

Она не ответила. Всё, что ей хотелось сейчас — это найти угол, где можно упасть и забыться. Но вместо этого её вели по бесконечным лестницам и коридорам, пока наконец не остановились перед высокой двустворчатой дверью из чёрного дуба. На створках были вырезаны те же символы, что и во дворе.

— Твоя комната, — сказал мужчина, распахивая дверь. —

Занятие через час. Северная башня, третий ярус. Не опаздывай. И да, — он задержался на пороге, — меня зовут Ратмир. Обращаться «господин Хранитель» или «куратор». Никаких имён.

Дверь захлопнулась. Дару осталась одна в крошечной келье с узкой кроватью, столом и огарком свечи. Даже здесь пахло полыньёю. Она села на жёсткий тюфяк, сжала в кулаке амулет Ядвиги и просидела так почти час, глядя в стену и ни о чём не думая.

Ровно через час она стояла у подножия винтовой лестницы в Северной башне. Ступени уходили вверх, в пугающую черноту, подсвеченную лишь редкими факелами. Оттуда тянуло сквозняком и чем-то сладковатым, напоминающим ладан и старую кровь одновременно. Студенты — те самые, с внутреннего двора — уже поднимались. Никто не разговаривал.

Третий ярус оказался круглым залом с куполообразным потолком. Вдоль стен стояли каменные скамьи, а в центре, прямо на полу, был начертан сложный узор из переплетающихся кругов и рун, светящихся тусклым серебром. Вокруг узора уже собрались студенты — человек пятнадцать. Дару заметила, что держатся они кучками. Трое парней с надменными лицами и дорогими нашивками на манжетах стояли особняком, ближе всех к центру. Ещё несколько человек, явно из бедных родов, жались к стенам. Девушка с длин-

ной русой косой и смешливыми зелёными глазами поймала взгляд Дару и чуть заметно кивнула — не дружелюбно, но и не враждебно. Просто обозначила своё присутствие.

— Встать в круг, — раздался голос.

Ратмир появился бесшумно, словно соткался из теней в углу. Теперь он был без верхнего кафтана, в одной чёрной рубаше, и Дару впервые увидела его руки — до локтей покрытые татуировками в виде тех же рун, что и на полу.

— Сегодня вы прикоснётесь к Нави, — произнёс он, обводя студентов взглядом чёрных, лишённых белков глаз. — Не как зрители. Не как просители. Как те, кто намерен повелевать.

По рядам прошёл шелест. Один из «золотых» парней хмыкнул, но под взглядом куратора осёкся.

— Первое правило, — продолжал Ратмир, — Тень всегда берёт плату. Ты можешь приказать ей, можешь договориться, можешь подчинить. Но она всегда, — он выделил это слово, — возьмёт своё. У кого-то это будет прядь волос, у кого-то — год жизни, у кого-то — воспоминание. Вы должны знать, что готовы отдать, ещё до того, как начнёте.

Он обвёл взглядом круг и остановился на Дару.

— Говорящая с тенями. Иди сюда.

Студенты расступились, пропуская её к центру. Она чувствовала на себе взгляды, от которых спина покрывалась мурашками.

— Покажи им то, что видела у врат, — сказал Ратмир,

протягивая ей раскрытую ладонь. На ней лежала маленькая, чёрная как смоль, сфера, внутри которой клубился дым.

Дару замешкалась. Она понятия не имела, что делать.

— Я... я не умею, — сказала она. — Это получилось само.

— Само ничто не получается, — отрезал куратор. — Твой дар — не случайность, Говорящая. Ты не видишь тени. Ты их притягиваешь. Ты — якорь. А теперь, — он шагнул ближе и вложил сферу в её ладонь, — позови ту, что всё ещё цепляется за тебя.

Ядвига.

Дару сжала сферу пальцами. Та была ледяной и вибрировала, словно внутри билось крошечное сердце. Девушка закрыла глаза, пытаясь нащупать то чувство, которое возникло у чёрной арки — странную связь, пульсирующую где-то за грудиной.

— Я не могу, — прошептала она. — Её больше нет.

— Она есть, — голос Ратмира прозвучал неожиданно близко. — Пока ты помнишь — она есть. Зови. Не приказывай. Проси.

Дару вдохнула — и позвала.

Сфера в её ладони запульсировала сильнее, а потом из неё вырвался тонкий, как паутина, серебристый дымок. Он колебался в воздухе, сгущаясь, обретая форму. По залу пронёсся коллективный вздох.

Перед Дару стояла Ядвига. Полупрозрачная, сотканная из лунного света и тумана, но узнаваемая до последней мор-

щинки, до последней седой пряди. Она посмотрела на Дару — и улыбнулась.

— Баб Ядзя... — выдохнула Дару, и из глаз её хлынули слёзы.

— Не плачь, внучка, — прозвучал в голове знакомый голос. — Слёзы — тоже плата. Не трать на меня.

Призрак протянул прозрачную руку и коснулся щеки Дару. Прикосновение было невесомым, как дуновение ветра, но внутри девушки что-то взорвалось. Серебристый свет хлынул из её груди, заполняя весь зал. Студенты зажмурились. Кто-то вскрикнул. А потом свет погас, и Ядвига исчезла.

Дару стояла в центре круга, пошатываясь, сжимая в кулаке потухшую сферу. На её щеке осталась тонкая, едва заметная серебристая полоска — след от прикосновения. И она поняла, что только что заплатила. Чем — пока не знала.

Ратмир смотрел на неё с непроницаемым лицом. Но в глубине его чёрных глаз мелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

— Вы видели, — обратился он к замершим студентам. — Это — Говорящая. Её дар — вызывать тени даже из-за кромки. Вопрос в том, кто кого вызовет в следующий раз. Вы — их? Или они — вас? Через неделю каждый из вас пройдёт малое испытание. Тот, кто не сумеет призвать даже собственный страх, будет отчислен. И поверьте, — его голос упал до шёпота, — из этой Академии не уходят. Из неё исчезают.

Занятие закончилось в полной тишине. Студенты расходились молча, пряча глаза. Дару осталась стоять в центре круга, не в силах пошевелиться. Русоволосая девушка, та самая, что кивнула ей в начале, на мгновение задержалась рядом.

— Меня зовут Милава, — сказала она тихо. — Если хочешь жить — не свети так ярко. Тут это не любят.

И ушла, оставив Дару одну в пустом зале, где всё ещё пахло полыньёю и парным молоком.

Конец второй главы.

Глава 3. Столовая для хищников

Навья Академия кормила своих студентов дважды в день — на рассвете и на закате. Пропускать трапезу не рекомендовалось. Во-первых, другой еды здесь не давали. Во-вторых, как успела узнать Дару за первые три дня, отсутствие в столовой расценивалось либо как слабость, либо как вызов. И то и другое каралось.

Столовая располагалась на первом ярусе Центральной башни — огромный зал с каменными сводами, терявшимися в темноте. Вдоль стен горели чадающие факелы, выхватывая из мрака длинные дубовые столы и тяжёлые скамьи. Место выглядело так, будто его строили не для студентов, а для дружины какого-то древнего князя. Иерархия здесь была видна сразу — стоит только переступить порог.

Левый стол, самый дальний от очага, занимали «бедные» — дети обедневших родов, сироты и те, кто попал в Академию по странной случайности. Они сидели тихо, ели быстро и старались не привлекать внимания. Именно туда направилась Дару.

— Стой, — Милава, появившаяся откуда-то сбоку, схватила её за локоть. — Туда нельзя.

Дару замерла.

— Почему?

— Потому что ты теперь не бедная, — усмехнулась де-

вушка. — После того, что ты устроила на Уроке Тьмы, ты — «говорящая». У тебя есть дар, которого нет ни у кого. А значит, ты опасна. Бедные тебя боятся. Золотые — ненавидят. Выбирай, с кем тебе сидеть, но выбирай быстро. Здесь не любят тех, кто топчется у порога.

Она кивнула в сторону центральных столов. Дару проследовала за её взглядом.

Правый стол, самый освещённый и близкий к очагу, занимала «золотая молодёжь» — потомки древних магических родов. Девушки в тёмных платьях тонкой работы, с идеальными причёсками и ледяными взглядами. Парни с ленивыми движениями и дорогим оружием на поясах, которое здесь, вообще-то, запрещалось носить, но им, похоже, было можно всё.

И среди них — она. Та, на кого Дару обратила внимание ещё в первый день. Высокая, черноволосая, с белой прядью, пересекающей лицо от виска до подбородка. Её звали Златогора. Она была дочерью кого-то очень важного — кого именно, Дару пока не знала, — и вела себя соответственно. Когда она говорила, остальные замолкали. Когда она смеялась, смеялись все. Когда она смотрела на кого-то слишком долго, этот человек находил повод покинуть зал.

Сейчас она смотрела на Дару.

— Новенькая, — голос Златы (так её называли приближённые) прозвенел в тишине, как удар колокольчика. — Иди сюда.

Это был не приказ. Скорее, приглашение, от которого невозможно отказаться.

Дару переглянулась с Милавой. Та чуть заметно покачала головой: не ходи. Но выбора действительно не было. Она пошла.

Золотые расступились, освобождая место напротив Златы. Дару села, стараясь держать спину прямо и не показывать страха, хотя сердце колотилось где-то у горла. Со своего места она видела Ядвигу — призрачную фигуру, стоящую в тени у стены, видимую только ей одной. Бабка, явившаяся незваной после того самого урока, сложила руки на груди и смотрела на происходящее с выражением, которое Дару слишком хорошо знала при жизни: «Я тебя предупреждала».

— Три дня, — произнесла Злата, разглядывая Дару с тем же интересом, с каким змея разглядывает мышь, — а я до сих пор не знаю, кто ты. Откуда. И главное, — она наклонилась вперёд, и её глаза, золотисто-карие, с вертикальными зрачками (Дару только сейчас это заметила), сузились, — что ты такое.

Вопрос повис в воздухе. Разговоры за столом стихли.

— Меня зовут Дару, — ответила она ровно. — Я из-под болот. Моя бабка была знахаркой.

— Знахаркой! — хохотнул кто-то из парней. — Травки, привороты, бородавки...

Злата подняла руку, и смех оборвался.

— Я не спрашивала про бабку, — сказала она. — Я спро-

сила про тебя. Ты призываешь тени. Ты разговариваешь с мертвецами. Куратор Ратмир смотрит на тебя так, как не смотрел ни на кого из нас. Объясни мне, — её голос стал вкрадчивым, почти ласковым, — почему какая-то деревенская девка получила дар, которого достойна я?

Вот оно. Главное.

Дару вспомнила слова Милавы: не свети так ярко. Но было поздно. Она уже светила. И этот свет притягивал хищников.

— Я не просила этот дар, — сказала она. — Можешь забрать его себе. Я не против.

По столу пробежал шёпот. Это был неправильный ответ — слишком смелый, слишком дерзкий. Злата улыбнулась. От этой улыбки у Дару похолодели пальцы.

— Забрать? — переспросила Злата. — Хорошая мысль.

Она протянула руку и коснулась серебристой полоски на щеке Дару — того самого следа, оставленного прикосновением призрака. Прикосновение обожгло холодом. Дару дёрнулась, но чьи-то руки сзади легли на плечи, удерживая на месте.

— Интересно, — прошептала Злата, разглядывая свою ладонь, на которой теперь тоже мерцала серебристая пыльца, — если я буду забирать по кусочку, хватит ли тебя надолго?

— Довольно.

Слово прозвучало негромко, но от него дрогнули стены. В проёме двери стоял Ратмир. Тени вокруг него клубились, как

живые, и Дару впервые увидела на его лице что-то похожее на гнев.

— Златогора, — произнёс он. — Отойди от неё.

Злата медленно, с демонстративной небрежностью убрала руку и выпрямилась.

— Мы просто знакомились, куратор.

— Ты просто нарушала прямой приказ, — отрезал Ратмир, подходя ближе. Толпа расступалась перед ним, как вода перед носом ладьи. — Говорящая находится под моей защитой. Тот, кто причинит ей вред до первого Испытания, ответит передо мной. Это ясно?

В столовой стало так тихо, что Дару слышала, как потрескивают факелы. Злата не опустила взгляд. Она смотрела на Ратмира с тем же выражением, с каким смотрела на Дару — как на добычу, которую пока нельзя трогать, но которая никуда не денется.

— Ясно, — сказала она наконец. — До первого Испытания.

Она повернулась и пошла прочь. Её свита потянулась следом. У самого выхода Злата на мгновение обернулась и встретила взглядом с Дару. В этом взгляде было обещание. Не угроза — именно обещание.

До скорой встречи.

Ратмир, не глядя на Дару, бросил короткое «За мной» и вышел из столовой. Она подчинилась. Проходя мимо Милавы, она заметила, что та смотрит на неё с каким-то новым

выражением — не жалость, не страх, скорее, мрачное уважение.

Они шли по коридору, и тени Ратмира метались по стенам, как стая голодных волков. Наконец он остановился у окна и повернулся к ней.

— Ты понимаешь, что только что произошло?

— Меня чуть не съели, — ответила Дару. — В прямом смысле.

— Тебя поместили, — поправил он. — Златогора — дочь Златогора Старшего, главы Совета Родов. Её семья веками контролирует некромантию в Яви. Твой дар — это то, на что они претендуют. И они не остановятся, пока не получат его. Или пока не уничтожат тебя.

— Зачем вы тогда меня защищаете? — спросила Дару. — Какая вам разница?

Ратмир помолчал. Тени за его спиной замерли.

— Потому что ты — ключ, Говорящая, — сказал он наконец. — И я пока не знаю, от какой двери. Но когда узнаю — возможно, мне понадобится, чтобы ты была жива. А теперь иди. Запри дверь. И не открывай никому, кроме меня и тени твоей бабки.

— Вы видите её?

— Я вижу всё, — ответил он. — В этом моё проклятие.

Он ушёл, растворившись во мраке коридора, а Дару осталась стоять у окна, глядя на заснеженный двор и думая о том, что сказала Злата.

До первого Испытания.

Значит, у неё есть неделя. Может, меньше.

Позади, в отражении оконного стекла, она увидела Ядвигу. Призрак стоял молча, скрестив руки на груди, и во взгляде её читалось то, что Дару не хотела признавать.

Я тебя предупреждала.

Конец третьей главы.

Глава 4. Ночной гость

Ночь в Навъей Академии наступала не так, как в обычном мире. Здесь не было сумерек — тьма обрушивалась разом, как занавес, отсекающий актёров от зрителей. Где-то высоко, на верхних ярусах, ещё гудел ветер и бились о стены невидимые птицы, но внизу, в студенческих кельях, тишина стояла такая, что звон в ушах казался оглушительным.

Дару лежала на жёстком тюфяке, глядя в каменный потолок, на котором дрожали тени от догорающего огарка. Сон не шёл. Перед глазами всё ещё стояло лицо Златы — её золотистые зрачки, серебристая пыльца на пальцах, обещание в голосе. До первого Испытания. Что это за Испытание? Почему Ратмир говорил о нём с такой мрачной значимостью? И главное — почему никто не объясняет правил?

— Потому что правила здесь простые, — раздался вкрадчивый голос. — Выжил — молодец. Сдох — сам виноват.

Дару подскочила на кровати, выхватывая из-под подушки нож для чистки рыбы — единственное оружие, которое она догадалась взять с собой. В тёмном углу комнаты, куда не доставал свет огарка, горели два жёлтых глаза с вертикальными зрачками.

— Спокойно, девочка-беда, — произнёс голос. — Если бы я хотел тебя сожрать, ты бы не проснулась.

Из темноты, мягко ступая, вышел кот.

Он был огромным. Не рысь, не дикий лесной хищник, а именно кот — но размером с добрую овчарку. Шерсть его была чёрной, как свежая сажа, с серебристыми подпалинами на кончиках ушей и хвоста. На шее болтался кожаный шнурок с маленькой костяной подвеской в форме полумесяца. Двигался он с той особой, ленивой грацией, которая бывает только у существ, уверенных в своём абсолютном превосходстве над окружающими.

— Кот-Баюн, — выдохнула Дару. Она слышала о таких в деревенских сказках, но считала их выдумкой.

— Можно просто Баюн, — кот вспрыгнул на стол, бесшумно приземлившись всеми четырьмя лапами. — Без титулов. Я не люблю официоз. А тебя, — он прищурился, разглядывая её, — я знаю. Дару-с-болот, Говорящая-с-те-нями, та-кто-разозлила-Злату-в-первый-же-день. Впечатляющий список достижений. Обычно студенты собирают такой набор за семестр, а ты управилась за три дня.

Он зевнул, демонстрируя внушительный набор клыков, и принялся вылизывать лапу с таким видом, будто находился здесь с самого сотворения мира.

— Зачем ты пришёл? — спросила Дару, не опуская ножа.

— А вот это правильный вопрос, — кот перестал вылизываться и уставился на неё жёлтыми глазищами. — Я пришёл, потому что ты — самое интересное, что случилось в этой богадельне за последние тридцать лет. И потому что ты задаёшь неправильные вопросы.

— Например?

— Например: «Что такое Испытание?» — кот склонил голову набок. — А правильный вопрос звучит так: «Почему после каждого Испытания один из студентов исчезает навсегда?»

В комнате резко похолодало. Дару заметила, что Ядвига, сидевшая до этого в углу и не проявлявшая интереса к происходящему, подняла голову и теперь смотрела на кота с напряжённым вниманием. Баюн, в свою очередь, стрельнул глазами в сторону призрака и чуть заметно кивнул — то ли приветствуя, то ли признавая равного.

— Ты знаешь ответ? — тихо спросила Дару.

— Я знаю всё, — скромно ответил кот. — Я Баюн. Моя работа — знать и иногда рассказывать. За плату, разумеется.

— У меня ничего нет.

— У тебя есть амулет, который ты сжимаешь в кулаке каждую ночь, — возразил кот. — Деревянный кругляш с Перуницей. Детская работа, никакой реальной силы, но память о старухе. Мне это подойдёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.